

Для цитирования: Хакимьянова А. М. Современное состояние песенного фольклора башкир (по экспедиционным материалам XXI в.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 409–419. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-409-419

The Current State of Bashkir Song Folklore: A Case Study of 21st-Century Expeditional Materials

Aigul M. Khakimyanova¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology). Senior Research Associate

 0000-0002-2786-3477. E-mail: aihakim@bk.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khakimyanova A. M., 2021

Abstract. *Introduction.* At present, people's interest in the historical and ethnocultural heritage has increased, and the desire to preserve traditional values for future generations has grown stronger. Song recordings made in the 19th – 20th centuries are evidence of the developed musical and song tradition of the Bashkir people. Due to the collecting efforts of M. A. Burangulov, A. N. Kireev, S. A. Galin, N. D. Shunkarov and others, a whole layer of folk songs has been preserved. During expeditions that have been intensified since the beginning of the 21st century by the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, folklorists are working hard to multifacetedly catalogize folk knowledge, on the basis of which one can judge the state of traditional modern folklore of the Bashkirs. In our understanding, 'modern folklore' is folklore that has existed since the middle of the 20th century to the present, regardless of the environment of existence. *Goals.* This work aims to consider the genres of traditional musical folklore of the Bashkirs that have survived today, to give a brief description of them, and also to analyze them from the viewpoint of assessing the modern spiritual state of the ethnos. Unlike other genres, musical genres are well preserved in the memory of the population. It is the song and *takmaks* that are the main genres of modern Bashkir oral and poetic creativity, which makes it possible to reveal the dynamics of the development of folklore. *Materials and Methods.* The research is based on the author's expedition materials collected in the 21st century in different regions of the Republic of Bashkortostan and beyond, where the Bashkirs live compactly. They retain collective axiological attitudes and serve as a way of expressing shared emotions. These genres have a high level of demand among the population and therefore quantitatively prevail in expedition records. Folk songs are kept in the memory of people — bearers of folk musical culture, and are not recorded by them in writing. The transmission of musical and folklore works occurs orally. This means that any folk song is perceived and absorbed by each new generation by ear directly at the moment of sounding. Occasionally, songs can be recorded along with their stories and legends. The availability of songwriting histories is a characteristic feature of Bashkir folk songs. Many songs lose their names over time, but they do not completely disappear from the memory of the people, as evidenced by the comments of informants characterizing these works in expressions, such as 'my mother's song', 'this song was performed by my father', etc. This phenomenon reflects the strong cultural connection between generations, when performers with special trepidation cherish the memory of their relatives and can reproduce the tune once performed by their father or mother. Along with drawling songs, short four-line songs without a title, drinking songs and *takmaks* are also common. *Takmaks*, in turn, are distributed not only orally but also in writing. Modern *takmaks* are distinguished by great mobility and efficiency, they instantly respond to urgent problems. In the light of recent events, *takmaks* have appeared on the topic of a pandemic, self-isolation, and online training. *Results.* A review of folklore materials collected in recent decades shows that the musical genres of Bashkir folklore continue to exist, which means that it is necessary to study not only the current state of the Bashkir song heritage but also its evolution.

The folk song, folk singing traditions must be passed on to the younger generation, and only then the folk culture will develop and be preserved for future generations.

Keywords: folklore, folk art, Bashkirs, musical folklore, genre, expedition, repertoire, song, word, modernity

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Khakimyanova A. M. The Current State of Bashkir Song Folklore: A Case Study of 21st-Century Expeditional Materials. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 409–419. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-409-419

Вводная часть

Все более возрастающий интерес к историческому и этнокультурному наследию башкир в XXI в. отражает потребность общества в национальной идентичности, восстановлении исторической памяти и сохранении традиционных ценностей для будущих поколений. Ныне перед фольклористами открываются новые горизонты исследовательских возможностей, требующих разносторонний уровень изучения архаичного и современного народного творчества, где уже стираются грани фольклорного и самодельного, устного и устно-письменного, сельского и городского. При этом наука, требующая углубленного и многостороннего изучения народных знаний, ставит перед ними сложные как исследовательские, так и собирательские задачи.

Собранный за последние годы материал позволяет судить о состоянии традиционного фольклора в современных условиях. Применяемый фольклористами комплексный метод собирания народных знаний предполагает не только сбор образцов устно-поэтического творчества народа, но также актуализирует фиксацию особенностей быта, уклада жизни, культуры речи и т. д. Результатом экспедиционных исследований, проводимых фольклористами Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (ИИЯЛ УФИЦ РАН) за 2003–2019 гг., явились 14 опубликованных по материалам экспедиций сборников, часть материалов введена в научный оборот при написании исследований, некоторые образцы включены в тома академического свода «Башкорт халык ижады» («Башкирское народное

творчество»). *Цель статьи* проанализировать современное состояние музыкального фольклора башкир, показать степень его сохранности, процессы трансформаций и бытования башкирской песенной традиции. В качестве *материала исследования* использованы экспедиционные записи автора, для изучения которых в статье применялись аналитический, текстологический, сравнительно-сопоставительный *методы* исследования.

Материалы фольклорных экспедиций XXI в. показывают постепенное исчезновение из памяти населения эпических произведений, медленное угасание традиции устного бытования народной сказки. Однако музыкальный фольклор и сегодня довольно устойчиво сохраняется в памяти многих информантов. Именно песня и такмаки являются основными жанрами современного башкирского устно-поэтического творчества, позволяющими наблюдать динамику развития фольклора. Сохраняя коллективные ценностные установки, они служат способом выражения общих эмоций народа. Эти жанры обладают высоким уровнем востребованности у населения и поэтому количественно преобладают в экспедиционных записях.

Протяжные песни

Нас, фольклористов, прежде всего интересуют носители и исполнители классических *озон кой* (протяжная песня), которые занимают особое место в системе жанров песенного творчества башкир. Помимо термина *озон кой*, существуют и другие народные обозначения: *бороңго йыр* (старинная песня), *бороңго кой* (старинная мелодия), а

также в настоящее время не встречающиеся — *озон-озок йырзар* (долгие-прерывистые песни), *эрэт йырзары* (рядовые песни). Не исключено, что названия *эрэт йырзары* и *озон-озок йырзар* по своему происхождению являются локальными терминами, связанными с различными исполнительскими традициями [БНПП 2007: 5–6].

Для напевов башкирских протяжных песен характерны широкий диапазон, сложный мелодический рисунок, который требует от исполнителя певческого дыхания и умения искусно исполнять богатышские узоры. Как правило, они исполняются мастерами-певцами, получившими признание народа. Среди исполнителей, с которыми приходилось работать во время экспедиций, можно выделить Адельбаева Яхью Усмановича (1937 г. р., Оренбургская область), Галиаскарову Гульсиру Рашитовну (1953 г. р., Стерлибашевский район Республики Башкортостан), Набиуллину Райлю Абдулловну (1948 г. р., Ишимбайский район Республики Башкортостан), Вахитову Натижу Рафиковну (1939 г. р., Хайбуллинский район Республики Башкортостан), Амирханову Марьям Тимергалеевну (1942 г. р., Ишимбайский район Республики Башкортостан), Махмутову Флюру Мансуровну (1943 г. р., Кармаскалинский район Республики Башкортостан), которые

с малых лет впитали любовь к народной музыке, народным песням. Классические народные песни «Һандугас» («Соловей»), «Зөләйха» («Зулейха»), «Ашказар» («Ашказар»), «Сибай», «Шахта» и т. д. составляют основу их репертуара.

Как известно, большинство башкирских народных песен живут вместе со своими преданиями, благодаря которым песня (или инструментальный наигрыш) воспринимается слушателями гораздо более глубоко и ярко [Хакимьянова 2019б: 21].

В современности редко можно услышать песню в совокупности всех трех компонентов: мелодии, текста и истории-предания. В 2014 г. в дер. Макарово Ишимбайского района от К. А. Сабитовой (1936 г. р.) нам удалось зафиксировать вариант песни «Ишмырза-карак» («Ишмырза-карак», *карак* — досл. ‘вор, разбойник’) вместе с историей ее возникновения. По легенде, Ишмырза родился в дер. Исекеево. «Их было два брата: Ишмырза и Ишберды. По рассказам моего отца, братья, видя произвол богачей и мучения народа, в отместку опустошали амбары бояр, угоняли лошадей и раздавали бедным. Сами прятались в лесу. Долгие поиски братьев не дали результатов. Каждый день Ишмырза и Ишберды, стоя на скале возле своей деревни, пели:

*Кояш кына сызып, ай, әйләнен,
Бейек-бейек тауға бәйләнен.
Бер кайтмаһаң, дуһтар, бер кайтырбыҙ
Тыуып-үскән илгә әйләнен* [ПМА 2014: 1].

Долго их искали, но безрезультатно. Не суждено было братьям возвратиться на ро-

‘Настанет утро, солнышко взойдет,
В зенит оно с высоких гор восходит.
Не раз вернемся мы, друзья, сюда —
На родину, где выросли, обратно’¹.

дину. Тогда односельчане сложили продолжение их песни:

*Бейек кенә бейек, ай, тау башы
Кат-кат икән уның таштары.
Әй, Ишмырза ла бит Ишбирзенең
Кайтмаса ергә китте бит баштары*

[ПМА 2014: 1]

Эта песня известна также под названием «Үткәүел» («Переход») и впервые была записана в 1946 г. в дер. Карайган Ишимбайского района РБ от А. Ш. Кутушева (1900 г. р.) [БНПП 2007: 258].

В 2009 г. в дер. Атик Бурзянского района от К. М. Алгазиной (1935 г. р.) также нами

‘Высоки, да высоки горные вершины,
Уступы гор круты и каменисты.
Эй, в те края, откуда нет возврата,
Ушли головушки Ишмырзы и Ишберды’.

была записана история песни «Зейка» [Экспедиционные материалы 2011: 177–178], в 2014 г. в дер. Кинзиевее Ишимбайского района от Р. Я. Ягудиной (1957 г. р.) записаны истории песен «Зәки йыры» («Песня Заки»), «Көнһылыу йыры» («Песня Кунсылу»), по легенде которой красавицу Кунсылу, разлучив с ее любимым, силой выда-

¹ Здесь и далее — перевод автора.

ют замуж. Не смирившись с горькой участью, Кунсылу предпочитает смерть и бросается в воду:

*Ялпак таузың баштарында
Күксәй атым тырма тырмалай
Беребез — һыуза, беребез — ерзә,
Айырзылар яңғыз төрналай*

[ПМА 2014: 3].

‘На вершине горы Ялпак
Сивый конь мой с бороной.
Один из нас в воде, другой — на земле,
Разлучили, как одиноких журавлей’.

Обзор экспедиционных материалов показывает, что протяжные песни знают и поют те информанты, у которых в семье кто-то раньше исполнял их, и с детства у них заложена любовь к народным песням. В 2016 г. от исполнительницы народных песен Г. З. Янтуриной (1926 г. р.) из дер. Арлар Ишимбайского района мы зафиксировали песни «Буранбай», «Таштугай» и большое

количество коротких песен без названия. Наше внимание привлекло то, что перед исполнением песни Гульямал алай спросила: «Туганым, йырзың өстәлмешен дә йырлап ишеттерәйемме?» («Доченька, песню пропеть вместе с приложением?»). На наш утвердительный ответ после исполнения песни «Таштугай» она пропела:

*Мин әйтмәйем уны ла йыр әйтә,
Уратып-уратып килтереп уны ла көй әйтә*

[ПМА 2016: 1]

‘Про это не я, а песня говорит,
Намеками нам мелодия доносит’.

Эти так называемые *өстәлмә* (приложение, дополнение) можно услышать очень редко. Как правило, они исполняются в конце, завершают пение и, на наш взгляд, яв-

ляются своего рода внесюжетным финалом, философским обобщением. Так, например, нами записаны следующие примеры финалов застольных песен:

*Ал кәрәкмәй безгә лә гөл булгас,
Ят кәрәкмәй безгә, һез булгас* [ПМА 2010: 1].

‘Роз не надо, когда есть цветы,
Не нужны чужие, когда рядом вы’.

*Ашығызга бәрәкәт, үзегезгә хәрәкәт.
Кыуаныстар килһен күп йылга* [ПМА 2016: 2].

‘Пище — изобилия, вам — движения,
Пусть радость придет на года’.

Наряду с протяжными распространены песни, обозначаемые в народе как *атайым / әсәйем йыры* (песня отца / матери), *өлатайым / өләсәйем йыры (көйө)* (песня (напев) бабушки / дедушки). Это те песни, которые, передаваясь из поколения в поколение, со временем утратили свои названия, но из репертуара народа полностью не выпали. Информанты воссоздают песни и напевы, когда-то исполняемые их родителями, что отображает процесс преемственности поколений. Так, в 2014 г. в дер. Карайган Ишимбайского района Ф. Н. Сафаргулова встретила нас словами: «Вот услышала, что пришли записывать старинные песни и вышла на улицу. Не дает мне покоя одна песня моего отца. Нигде ее сейчас не слышно, боюсь потеряется эта красивая песня». И она исполнила песню «Дүнәнем» (досл. пер. ‘жеребец по четвертому году’), услышанную когда-то от своего отца [ПМА 2014: 5].

Позже среди архивных материалов 1968 г. мы обнаружили запись этой песни, осуществленную Н. Шункаровым от Аминова Ниязгула в дер. Карайган. Сравнение этих двух песен (разница в записях — 46 лет) показывает, что запись 2014 г. состоит из трех строф и третья строфа по содержанию отличается от ранней записи: видимо, со временем эта строфа была включена в нее из другой песни. Как пишет Н. Шункаров, Ниязгул агай, кроме мастерского исполнения протяжных песен, хорошо владел кураем. В его репертуаре насчитывалось 113 курайных наигрышей.

Четырехстрочные песни

Одновременно с песнями, имеющими свои названия и свою мелодию, широко распространены *дүртюллы йырзар* ‘четырёхстрочные песни’, исполняемые под любой понравившийся мотив, из-за чего

их также называют *төрлө йырзар* ‘разные песни’. В свою очередь они делятся на четырехстрочные протяжные и короткие песни. Композиционное строение стиха четырехстрочных протяжных песен основано на 10–9-сложном, а коротких — на 8–7-сложном размере стиха.

По своей природе четырехстрочные песни в основном лирического характера. Они не только описывают то или иное событие, но и раскрывают личные переживания, эмоции, внутреннее состояние певца. К четырехстрочным песням примыкают

Ак карсыга менэн күк карсыга
Эй, йәнем, дустарым (да),
Береһен-береһе кыуып талсыга.
Ашап-эсеу менэн дандар сыкмай,
Эй, йәнем, дустарым (да)
Татыу йәшәу менэн дан сыга [ПМА 2016: 2].

Эти припевы-обращения зачастую восхваляют друзей или хозяев дома.

Колыбельные песни

Изредка можно услышать колыбельные песни, которые относятся к древнейшим жанрам фольклора. Чрезмерная занятость

Әллеу-бәллеу вак бәпәй,
Әллеу-бәллеу ак бәпәй.
Йокла, балам, йом күзең,
Кисен йоклаң калдырһаң,
Илап үтер кондозоң.
[Фольклор 2013: 133]

Поэтической основой этих песен является не слово, а звук, для них характерен зачин: *әлли-бәлли, бәү, бәү, аллаһыу, аллаһыу, йөм-йөм күзең* и т. д. Напевы колыбельных

Аллаһыу, Аллаһыу,
Кәзәләрзе тауға кыу.
Тау үләнен ашаһын
Минең балам йоклаһын [ПМА 2010: 2].

В одних случаях колыбельные звучат как благопожелание — *теләк* (*Үсер ул, үсер ул, Айга менеп китер ул* ‘Вот вырастет мой ребенок, Полетит он на Луну’; *Хәзер генә бәнес ул, Үскәс батыр ир була* ‘Сейчас он маленький ребенок, Вырастет станет храбрым мужчиной’ и т. д.), в других — как магическое

распространенные повсеместно *мәжлес йырзаны* ‘гостевые или застольные песни’, жанрово-функциональное название которых исходит из их бытовой приуроченности. Исполняются они зачастую в праздничные дни по различному поводу: свадьба, рождение ребенка, приезд друзей или родственников и т. д. Композиция поэтических текстов застольных песен отличается наличием припевов и различных форм рефренов, которые подхватываются всеми присутствующими [Хакимьянова 2014: 125]:

‘Белый ястреб с сизым кречетом,
Эй, душа моя, друзья (да),
Друг-друга догоняя, устают.
В пиру-застолье не найдете славы,
Эй, душа моя, друзья (да),
Коль друг к другу вы не будете добры’.

женщин в профессиональной и общественной жизни потихоньку вытесняют их из практического применения. Однако в фольклорной памяти женщин более старшего поколения они сохраняют устойчивую позицию. Основная их функция направлена на успокоение, убаюкивание ребенка.

‘Алли-балли, маленький,
Алли-балли, беленький.
Спи, мой малыш, закрой глазки,
Если не будешь спать ты ночью,
Будешь плакать целый день’.

песен подразделяются на речитативно-песенный (*халмак көй*) и собственно речитативный (*һамак көй*) типы.

‘Аллаху, Аллаху!
Отгони коз на гору.
Горной травкой (пусть) лакомятся,
Дитя спокойно (пусть) спит’.

средство, оберегающее ребенка от сглаза.

Большинство информантов говорят: *Кайза ул вакытта йырлау. Һугыш, һугыштан һуңғы өсәрза бөлгөнлөк, аслык...* ‘Раньше, доченька, некогда было нам петь. Война, в послевоенные годы — разруха, голод’ [ПМА 2014: 2; ПМА 2016: 1].

Однако некоторые с радостью вспоминают, как они после работы собирались в поле на молодежные вечеринки: «В молодости мы собирались на *Милли уйын*¹. Иногда были гармонисты, иногда и нет. В деревне была только одна тальянка. Если есть гармонист, он играет на ней, остальные, взявшись за руки, образовав круг, танцуют. Все танцуют, ну а кто стесняется, стоит поодаль, щелкает семечки. Знающие такмаки стоят по кругу, один остается внутри круга. Оставшиеся в круге испол-

няют такмаки, а тот, кто внутри, приглашает кого-нибудь из круга, и кружатся они в середине под такмак. Потом оставляет приглашенного внутри круга, а сам примыкает к остальным. Так, сменяя друг друга, пляшут. В основном исполняли такмаки „Наза“, „Косилка-молотилка“ и т. д. [ПМА 2014: 2].

К большому сожалению, в настоящее время хороводные игры не встречаются. Однако сопровождающие пляску-игру такмаки все еще бытуют:

*Уйнат-уйнат гармуныңды
Бейеһендәр егеттәр.
Безең илдең егеттәре
Бар за бөркөт кеүектәр.
Куш-та: Их, күңел асабыз,
Нисек шыма басабыз.
Һайрат-һайрат гармуныңды
Елкенһендәр йәш кызлар.
Безең кызлар нурлы йөзлө
Әйтерһең дә йондоҙлар* [ПМА 2013: 2].

‘Играй, играй на гармошке,
Пусть танцуют егеты.
Егеты нашей страны,
Как на подбор, беркуты.
Привет: Эх, веселимся мы,
Как гладко ступаем.
Пусть поет твоя гармошка,
Ободряя наших девок.
Наши девки лучезарны,
Будто в небе звездочки’.

Такмаки

Исследуя современное состояние башкирских такмаков, можно выявить специфику данного жанра как факта фольклорной динамики: они занимают устойчивую позицию и успешно эволюционируют. «Они функционируют в молодежных играх, являются неотъемлемым элементом свадебного обряда,

появляются новые виды, предназначенные для исполнения со сцены. Их отличает необыкновенная широта тематики, непосредственная ориентация на реальную жизненную ситуацию» [Хакимьянова 2019а: 499].

В свете последних событий появились такмаки на тему пандемии, Covid-19, самоизоляции, обучения детей online и т. д.:

*Безең урам уртаһында
Үсеп ултыра кайын.
Үкһеп-үкһеп ник илайһың –
Өзолдомо вай-файһың?*

*Ауылда кытайҙар йәшәй,
Иммунитет бар безҙә.
Ауырыуҙарға бирешмәй
Етәрбез әле йөзгә.*

*Укый мәктәп дистанцион
Укыуҙан тороп ситтә.
Дәрес һөйләй укытыусы
Тизлекһез интернетта* [ПМА 2020].

‘Посередине нашей улицы
Стоит-растет березка.
Почему же ты рыдаешь?
Оборвался ли вай-фай?’

В деревне живут китайцы,
Иммунитет есть у нас.
Не поддаваясь болезням,
Проживем мы лет до ста.

Учимся мы дистанционно,
Учеба у нас онлайн.
Уроки дает учитель
В нескоростном интернете’.

В настоящее время носителями жанра являются как молодые, так и люди среднего и пожилого возрастов. Такмаки бытуют и распространяются не только устно, но и письменно. Письменный характер распро-

странения и бытования информанты объясняют потерей своей памяти, 54 % респондентов связывают это с какой-либо болезнью, 46 % — с обилием информации [Хакимьянова 2020: 392].

² Национальная игра.

Мунажаты и баиты

В связи с легализацией религии в народе получили распространение мунажаты — молитвенное обращение к Всевышнему в поэтической форме — с самыми сокровенными мыслями, просьбами и пожеланиями. В настоящее время, когда в районах республики строятся мечети и медресе, традиция исполнения мунажатов переживает

возрождение. Этот жанр так же, как и баит, распространяется письменно, и поэтому повсеместно у информантов можно увидеть записные книжки с их текстами.

Мунажат «*Ғүмер*» («Жизнь»), записанный в 2019 г. в дер. Муксин Кармаскалинского района от Г. Х. Мухаметкуловой (1929 г. р.) можно отнести к мунажатам смерти:

*...Йән биргән сакта тыныс тороғоз,
Корьәнгә карап доға кылығыз...
...Шулай икән ул һулыш китеүе,
Ауыр хәл икән йәндең китеүе.
Китамен инде, бәхил булығыз,
Кесе йомала доға кылығыз [ПМА 2019].*

‘...Стойте спокойно, когда буду отдавать душу богу,
Читайте Коран, произносите молитвы...
...Вот как, оказывается, оставаться бездыханным,
Трудно, оказывается, когда уходит душа.
Я ухожу, все прощайте!
По четвергам молитвы читайте’¹.

Он написан в форме обращения к живым от лица умирающего — такая композиционная форма является одной из основных в мунажатах смерти и баитах-эпитафиях, которым присущи глубокие философские размышления, переживания, печаль, безнадежность. Содержания текстов мунажатов могут быть самые разные: рассуждения о бренности жизни, рассказы о житии пророка, назидание, плач или поминовение умерших, рассказы о священном месяце Рамазан, о празднике Маулид и т. д. Мунажаты и баиты исполняют преимущественно пожилые женщины.

Большое распространение получили бытовые баиты, в которых рассказывается о несчастных случаях, об обстоятельствах смерти того или иного человека. Как правило, и сочинителем, и исполнителем таких баитов является близкий родственник погибшего. Например, от жительницы дер. Ново-Яппарово Давлекановского района М. Я. Гайсиной (1923 г. р.) был записан баит, сочиненный ею по поводу безвременной кончины ее матери [Жемчужины 2008: 233–234]; в дер. Кабакуш Стерлибашевского района Республики Башкортостан Мухаметшина Г. (1955 г. р.) исполнила баит, повествующий о трагической гибели ее сына во время службы в армии,

в горячей точке [Экспедиционные материалы 2018: 272–276].

Традиционны также баиты, в которых умерший обращается к своим родным и близким. Например, в 2013 г. в дер. Башкултаево Пермского края от Кузиной Садисы Саитжановны зафиксировали баит под названием «Утка янган йәш бала бәйете» («Баит сожженного маленького ребенка»), где рассказ идет от лица маленькой девочки, сожженной своей матерью [ПМА 2013: 1].

В таких баитах от имени покойного повествуется о причинах и обстоятельствах трагедии. Баитам свойственен небольшой звуковой объем и повествовательно-речитативный характер исполнения. Некоторые баиты имеют собственную мелодию. Таков, например, получивший широкое распространение мифологический баит «Сак-Сок».

Календарно-трудовые и свадебно-обрядовые песни

В современной башкирской музыкальной культуре редко встречаются календарно-трудовые песни. Тем не менее нам удалось записать трудовые песни «*Балас һуғыу*» («Валяние войлока»), «*Каз канаты*» («Гусиное перо»), «*Буза йыры*» («Песня бузы») и несколько десятков хамаков (речитативов) вызова дождя, заклинания солнца, заклинания дождя. Песни, приуроченные к календарным обрядам, отражают хозяйственную деятельность человека:

¹ Считается, что по четвергам души умерших ждут чтения молитв родственниками, которые просят Аллаха простить все грехи умершего, совершенные им при жизни, и поместить его душу в рай.

*Тәнгә сикхәт, йәнгә рәхәт
Һай, тәмле шифа буза.
Буза эсмәгән кешенең
Ғүмере сырхап уза.*

*Уңған икән һолбөз,
Буза яһап ҡуйырбыз.
Күңел асып, уйнап-көлөп
Үтһен уңыш туйыбыз [ПМА 2014: 4].*

‘Здоровья телу, душе — радость.
Хей, вкусная, целебная буза.
У человека, не пьющего бузу,
Жизнь проходит в болезни и хвори.

Удался наш овес!
Будем мы варить бузу.
Песни напевая и веселясь,
Встречаем праздник урожая’.

Что касается свадебно-обрядовых музыкальных жанров, необходимо отметить, что, несмотря на то, что свадебные причитания (*сеңләү*), песнопения «*йәр-йәр*» («яр-яр») не являются обязательными в современной башкирской свадьбе, они все же сохранились в памяти народа. Обычно они исполняются в развлекательных, игровых целях «ради обычая» [Хакимьянова, Султангареева 2018: 15]. На сегодня самыми жизнеспособными и востребованными жанрами в башкирской свадьбе являются благопожелания, застольные песни и такмаки.

В распространении песенных жанров большую роль играют фольклорные ансамбли и самодеятельные коллективы, которые передают свой опыт подрастающему поколению и благодаря которым можно ознакомиться с певческими традициями народа. Отметим также и роль ежегодно проводимых различных конкурсов вокалистов и исполнителей такмаков («*Башкорт йыры*») («Башкирская песня»), «*Ашказар моңдары*») («Мелодии Ашкадара»), «*Такмак батл*») («Батл частушек») и т. д.), в которых, наряду с профессиональными певцами, принима-

ют участие и народные исполнители. В последнее время в такие конкурсы активно включаются и дети.

Заключение

Обзор фольклорных материалов, собранных нами за последние годы, показывает, что музыкальный фольклор продолжает свое бытование. Во время фольклорных экспедиций в XXI в. нами зафиксированы песни, такмаки, мунажаты, баиты. Некоторые песни записаны вместе с их историями и легендами. Необходимо отметить, что за исключением застольных песен и песен, исполняемых во время посиделок, сохраняется сольная манера их пения. Хотя исполнение таких музыкальных жанров, как *сеңләү* (причитания), песнопения «*йәр-йәр*» («яр-яр»), встречаются относительно редко, в памяти народа они еще сохраняются, о чем свидетельствуют современные записи. Отрадно, что систематические экспедиции фольклористов обеспечили создание богатого фольклорного фонда, а комплексное изучение и описание фактологического материала является весьма актуальной задачей для современной фольклористики.

Полевой материал автора

ПМА 2010 — Полевые материалы, собранные автором в 2010 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН.

1. Записано в 2010 г. от Ишемгуловой Насихи Галимьяновны (1929 г. р.), жительницы дер. Галиахметово Хайбуллинского района Республики Башкортостан.
2. Записано в 2010 г. от Илимбетовой Заухия-мал Маннафовны (1932 г. р.), жительницы с. Акъяр Хайбуллинского района Республики Башкортостан.

ПМА 2013 — Полевые материалы, собранные автором в 2014 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:

1. Записано в 2013 г. от Кузиной Садисы Саитжановны (1940 г. р.), жительницы дер. Башкултаево Пермского района Пермского края.
 2. Записано в 2013 г. от Алапановой Насимы Мусовны (1947 г. р.), жительницы дер. Брюзлы Бардымского района Пермского края.
- ПМА 2014 — Полевые материалы, собранные автором в 2014 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:
1. Записано в 2014 г. от Сабитовой Кобуры Абделькадировны (1936 г. р.), жительницы дер. Макарово Ишимбайского района Республики Башкортостан.
 2. Записано в 2014 г. от Сафаргулова Агзама Ялялетдиновича (1932 г. р.), жителя дер. Ка-

- райганово Ишимбайского района Республики Башкортостан.
3. Записано в 2014 г. от Ягудиной Райханы Явда-товны (1957 г. р.), жительницы дер. Кинзке-кеево Ишимбайского района Республики Башкортостан.
 4. Записано в 2014 г. от Фасхетдиновой Салихи Хабибулловны (1946 г. р.), жительницы дер. Верхнеарметово Ишимбайского района Республики Башкортостан.
 5. Записано в 2014 г. от Сафаргуловой Фариды Ниязгуловны (1936 г. р.), жительницы дер. Карайганово Ишимбайского района Республики Башкортостан.
- ПМА 2016 — Полевые материалы, собранные автором в 2016 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:
1. Записано в 2016 г. от Янтуриной Гульямал Зарифовны (1926 г. р.), жительницы дер. Арлар Ишимбайского района Республики Башкортостан.
 2. Записано в 2016 г. от Дильмухаметовой Рамзи Музафаровны (1956 г. р.), жительницы дер. Кулгана Ишимбайского района Республики Башкортостан.
- ПМА 2019 — Полевые материалы, собранные автором в 2019 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:
- Записано в 2019 г. от Мухаметкуловой Гульни-сы Хидиятулловны (1929 г. р.), жительницы дер. Мунсин Кармаскалинского района Республики Башкортостан.
- ПМА 2020 — Полевые материалы, собранные автором в 2020 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:
- Записано в 2020 г. от Мустафина Айдаара Мужави-ровича (1975 г. р.), жителя дер. Азикево Бе-лорецкого района Республики Башкортостан.

Author's Field Data

- Folklore Fond, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS:
- Informant: Agzam Y. Safargulov, b. 1932. Rec. in Karayganovo (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2014. (In Bash.)
- Informant: Aidar M. Mustafin, b. 1975. Rec. in Azikeevo (Beloretsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2020. (In Bash.)
- Informant: Farida N. Safargulova, b. 1936. Rec. in Karayganovo (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2014. (In Bash.)
- Informant: Gulnisa K. Mukhametkulova, b. 1929. Rec. in Muksin (Karmaskalinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2019. (In Bash.)
- Informant: Gulyamal Z. Yanturina, b. 1926. Rec. in Arlar (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2016. (In Bash.)
- Informant: Kobura A. Sabitova, b. 1936. Rec. in Makarovo (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2014. (In Bash.)
- Informant: Nasikha G. Ishemgulova, b. 1929. Rec. in Galiakhmetovo (Khaibullinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2010. (In Bash.)
- Informant: Nasima M. Alapanova, b. 1947. Rec. in Bryuzli (Bardymysky District, Perm Krai, Russia) in 2013. (In Bash.)
- Informant: Raikhana Y. Yagudina, b. 1957. Rec. in Kinzekeyevo (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2014. (In Bash.)
- Informant: Ramziya M. Dilmukhametova, b. 1956. Rec. in Kulgana (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2016. (In Bash.)
- Informant: Sadisa S. Kuzina, b. 1940. Rec. in Bashkultaevo (Perm District, Perm Krai, Russia) in 2013. (In Bash.)
- Informant: Salikha Kh. Faskhetdinova, b. 1946. Rec. in Verkhnearmetovo (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2014. (In Bash.)
- Informant: Zauhiyamal M. Ilimbetova, b. 1932. Rec. in Akyar (Khaibullinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2010. (In Bash.)

Литература

- БНПП 2007 — Башкирские народные протяжные песни / сост. Л. Сальманова; отв. ред. Г. Р. Хусаинова. Уфа: Гилем, 2007. 276 с.
- Жемчужины 2008 — Жемчужины земли давлекановской / сост. А. М. Хакимьянова, Р. Г. Мухаметгаллин. Уфа: Деловая династия, 2008. 328 с. (На баш. яз.)
- Хакимьянова 2014 — *Хакимьянова А. М.* Застольные песни башкир // А. Харисов и актуальные проблемы филологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 2014. С. 123–126.
- Хакимьянова 2019а — *Хакимьянова А. М.* Башкирские народные такмаки // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. №3 (43). С. 492–501.

- Хакимьянова 2019б — *Хакимьянова А. М.* Лирические песни башкир: Поэтика, Концептосфера. Уфа: Китап, 2019. 160 с.
- Хакимьянова 2020 — *Хакимьянова А.М.* Современное состояние башкирских народных такмаков (по экспедиционным материалам автора) /«Современная филология: проблемы и перспективы»: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Году башкирского языка, 85-летию со дня рождения доктора филол. наук, профессора, академика АН РБ З.Г. Ураксина и 85-летию со дня рождения доктора филол. наук, профессора, академика АН РБ М.В. Зайнуллина. Уфа: изд-во Самрау, 2020. С. 390-394.
- Хакимьянова, Султангареева 2018 — *Хакимьянова А. М., Султангареева Р. А.* Башкирские свадебные песни (текст и практика). Уфа: Мир печати, 2018. 176 с., илл.
- Фольклор 2013 — *Фольклор оренбургских башкир (материалы и исследования).* Уфа: Скиф, 2013. 192 с.
- Экспедиционные материалы 2011 — Экспедиционные материалы — 2009: Бурзянский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева, А. М. Хакимьянова. Уфа: ООО «Деловая династия», 2011. 208 с.
- Экспедиционные материалы 2018 — Экспедиционные материалы — 2017: Стерлибашевский район / сост. Г. В. Юлдыбаева, Ф. Ф. Гайсина, А. М. Хакимьянова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. 352 с.

References

- Folklore of Orenburg Bashkirs: Materials and Research. Ufa: Skif, 2013. 192 p. (In Bash.)
- Khakimyanova A. M. Table songs of the Bashkirs. In: A. Kharisov and Topical Issues of Philology. Conference proceedings. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of RAS), 2014. Pp. 123–126. (In Russ.)
- Khakimyanova A. M., Sultangareeva R. A. Bashkir Wedding Songs: Text and Practice. Ufa: Mir Pechati, 2018. 176 p. (In Russ.)
- Khakimyanova A. M. Bashkir folk takmaks. Oriental Studies. 2019a. Vol. 12. No. 3 (43). Pp. 492–501. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3- 492-501
- Khakimyanova A. M. Bashkir Lyrical Songs: Poetics, Conceptual Sphere. Ufa: Kitap, 2019b. 160 p. (In Russ.)
- Khakimyanova A. M. The contemporary state of Bashkir folk takmaks: summarizing expeditionary materials. In: Contemporary Philology. Problems and Prospects. Jubilee conference proceedings. Ufa: Samrau, 2020. Pp. 390-394. (In Russ.)
- Khakimyanova A. M., Mukhametgalin R. G. (comps.) Pearls from the Land of Davlekanovo. Ufa: Delovaya Dinastiya, 2008. 328 p. (In Bash.)
- Khusainova G. R. et al. (comps.) Expedition Materials — 2009: Burzyansky District (Bashkortostan, Russia). Ufa: Delovaya Dinastiya, 2011. 208 p. (In Bash.)
- Salmanova L. K. (comp.) Bashkir Folk Lingering Songs. Ufa: Gilem, 2007. 276 p. (In Bash.)
- Yuldybaeva G.V. et al. (comps.) Expedition materials — 2017: Sterlibashevsky District (Bashkortostan, Russia). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Centre of RAS), 2018. 352 p. (In Bash.)

